

18+

Сергей

Иван Денисов

Иван Денисов

Сергей

«Издательские решения»

Денисов И.

Сергей / И. Денисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605562-9

Когда прекрасные чувства переполняют душу, а творчество становится образом жизни, человек, волей не волей, раскрывает свой дар для всех. Увлекательные и неожиданные воспоминания множества людей о великом поэте — это ответственная миссия памяти, дань признания современного мира таланта Сергея Александровича Есенина, последнего русского романтика, в чьих стихах напевно звучат соловьиные трели...

ISBN 978-5-00-605562-9

© Денисов И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Сцена первая	8
Сцена вторая	10
Сцена третья	12
Сцена четвертая	18
Сцена пятая	20
Сцена шестая	24
Сцена седьмая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей

Иван Денисов

© Иван Денисов, 2023

ISBN 978-5-0060-5562-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторский пересказ известных и неизвестных происшествий, случившихся с одним русским поэтом в разное время, на разных континентах, в разных городах и весях, не содержащий никаких выводов и оценок, но позволяющий понять душу этого великого человека

Предисловие

...Жизнь моя! иль ты приснилась мне?
Сергей Есенин

Прежде чем начать нашу историю о последнем пиите земли русской, обратимся, как к запеву былины, к подлинному рассказу матери Сергея Есенина – Татьяны Фёдоровны, кому как не ей знать своего взбалмошного сына:

«...Сережа родился в селе Константинове. Читал он очень много всего. И жалко мне было его, что он много читал, утомлялся. Я подойду погасить его огонь, чтобы он ляг, уснул. Но он на это не обращал внимания. Он опять зажигал и читал. Дочитается до такой степени и не спавши поедет учиться опять. Это такое у него было жадность к учению, и знать все хотел он. Он читал очень много, но я не знаю, как сказать, сколько, а начитан очень много.

Учился в своей школе, сельской. Четыре класса. Получил похвальный лист. Вот. И значит, после учебы, отправили мы его в семилетку, в которой не всякий мог попасть в это время. Было только доступно господским детям и поповым, а крестьянским нельзя было. Но так, что по его занятиям, он там проучился три года, в семилетке. И писал. Стихи писал уже. Да! Он напишет, почитает и скажет:

– Мам, послушай, как я написал.

А мы и понятия не имели, что это за поэзия такое. Ну, написал и кладет. Собирал все в папку, собирал, собирал всё. А ведь я занята крестьянскими делами была. А он занят головой. У него работала голова именно о том, чтобы читать и читать. Сергей был только для чтения, так, чтобы ему побольше ухватить на свете, узнать все. Очень жадно все читал.

Когда закончил семилетку, приехал домой. Отец его отозвал в Москву к себе. Он поехал, не послушался. Шестнадцать лет ему было. Отец поставил его в контору к своему хозяину. Ему не понравилось сразу. Как это? Хозяйка такая строгая была, нападала все на служащих. Он заявляет отцу:

– Папа, я твоему хозяину служить больше не буду.

– Почему?

– Да нельзя. Потому что хозяйка бьет прислугу.

– Ну, твое дело, поступай, как хочешь.

– Я хочу сам над собой хозяином быть.

Отец:

– Ну дело твоё, как хочешь.

Отправился к Сытину. Известный был человек Сытин. Пришел к нему туда. Сытин принял его охотно. Остался у него работать корректором. И писал... Стихи писал... Он писал, и Сытин о нем понял, что он человек доступный, – и Сытин с ним вместе писал... И вот понесут они издавать свою работу, у Сергея принимают, а у Сытина нет, у старика. Обидно ему, и жалко его, что его так оскорбляют. Но недоступно, говорят, нельзя, нельзя их принять. Приходится старику обратно идти со своими стихами. А у этого – давай, давай... Он проверяет свои книги и работает свое дело, пишет.

Каждое лето приезжал в деревню. Или до границы, или после был дома, домой обязательно ездил каждое лето. Приедет... Мы радостно его встречали. Подарки нам привезет. Как было хорошо, весело. И соседей всех угостить винцом. Стариков соберет, угостит. Все было хорошо... Тогда еще убирали барские луга.

Все лето у него проходило с гостями. Какую-нибудь старуху где-нибудь поймают, приведет, посадит, угостит ее, послушает, что она будет говорить про прошлое время. Ему было интересно. В прошлое время кровать не называли кроватью, а «коник». Как это коник понять?

На чем спать? На конике. Ему это интересно было знать. Везде он так всех послушал, и стариков, и старух, везде узнал, кто как живет, кто как понимает. Один раз пришлось так. Был под горой, играл с ребятами. Идет из-под горы – старики собрались, толкуют о святом отце Серафиме. Посмеялся с мужиками, что отец Серафим табаку обнюхался. Все подняли смех. Не сказать, что религиозный был, но все-таки я его водила в детстве куда надо. Приучала. Мы – люди старые, так было нужно. А сейчас – другое время.

...Приехал домой, читал стихи мне. Уж он был знаменитым поэтом. Но он стал читать «Москву кабацкую», мне не понравилось это. Я обвинила его – не нужно это. А он говорит: «Мама, я как вижу, так и пишу, вы меня не вините. У поэта ни одно слово не должно лишнее быть». Больше я ему ничего не сказала. Я больше его не знаю. Жил хорошо, слушался во всем, не отказывал мне ни в чем и не безобразничал, как другие. Все восхищались.

Приезжал в деревню знаменитым поэтом и читал стихи крестьянам».

Сцена первая

*Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.*

С. Есенин

В этот утренний летний день солнце светило так ясно, находясь в самом зените, что ни одно облачно не решалось затмить собой его свет. Село Константиново уже ожило, крестьяне ходили туда-сюда, занимаясь хозяйственными делами, а дети, которые ещё не достигли рабочего возраста, вольно гуляли по его окрестностям.

Татьяна Фёдоровна, постоянно оглядываясь, быстро семенила по дорожке, нарушая мерный уклад жизни Константинова.

– Вы не видели Серёжу? – тревожно спросила мать.

– Нет, Танюш, не встречался. Коль найду, скажу, – ответила соседка.

Татьяна Фёдоровна лишь на минутку оставила сына одного, а того уж и след простыл. Женщина металась от дома к дому, расспрашивая у прохожих о своём сыне, но никто не заметил Сережку. В этом рязанском селе он был не единственный мальчишка с белой головой, и отличить детей издали было сложно. Но, как говорится, чужих детей не бывает, и этой поговорке и придерживались все односельчане.

– Значит, слушай сюда, молодёжь. Сейчас все дружно, берём по ведру и тащим воду из колодца. Как наберёте эту бочку целиком, будете свободны, понятно?! – распорядился дед Максим.

– Да-а-а! – хором закричали виноватые дети.

Пацаны любили победокурить, погонять живность, что бродила повсюду, то набрасывались на гусей, то на кур, то играли с соседскими собаками, пока один из кобелей, в радостном порыве, не сбил ведро с водой деда Максима, стоявшее во дворе на лавке. Старый вояка, только что, крихтя и жалуясь на раны, притащил его, и, услышав плеск, споро выглянул из окна и застал сорванцов на месте преступления. Он строго приказал им стоять на месте до разбору позиций, пока будет выходить к ним из дома. Малыши не могли ослушаться столь сурового пробирающего до пяток командного голоса, и все, как один, замерли, встав по стойке смирно.

Дед Максим по хозяйски вышел на крыльцо, осмотрел ватагу, нахмурил свои густые седые брови, потряс такой же седой бородой, и придумал детям наказание за содеянное. Вот тогда-то, выслушав старика, ребяташки безропотно и отправились к колодцу.

Только пес, который стал причиной безобразия, посмел перебивать грозного деда, он истошно лаял и требовал продолжения игры. И когда дети пошли со двора, пёс, весело виляя хвостом, помчался за ними. Он и не подозревал, что мальчишки затаили на него обиду – что такого-то – и больше не хотели с ним дружить.

– То-то же. – произнёс им вслед дед Максим, подтягивая на пузе портки.

– Серёжа? – переспросил ученый счетовод Вячеслав Сергеевич у матери, – небось опять к пристани побежал. Ох и сорванец ваш Серёжка. Помяни моё слово, Татьяна, вырастет, да не изменится, так и будет бегать.

Вячеслав Сергеевич вел за собой лошадь, но приостановился в разговоре, отчего кобылка ткнула ему мордой в плечо. Он покачал головой и, поправив узду, продолжил свой путь.

– Спасибо вам, – не к месту сказала встревоженная мать и побежала дальше.

А в это время в самом тихом уголке села, на пруду, в котором солнышко играло искрами на легкой ряби, среди густой зелёной листвы на мостках стоял Сережа Есенин. Он стоял в белой

холщевой рубахе на досочке посреди пруда, застыв, словно прислушиваясь и проникаясь красотой природы, окружавшей его со всех сторон. Маленький Серёжа, молча смотрел на все это прекрасное естество, восхищаясь и еще не понимая, что это его судьба.

Его золотые волосы, казалось, отражали солнечный свет и искрились, как вода в пруду, а большие голубые глаза были как частички неба в далекой вышине. Пухлые губы были слегка приоткрыты, румяные щеки сияли, как спелые яблочки, и сам Серёжа выглядел эдаким крепышом и, несмотря на задумчивый вид, был еще тем сорванцом.

Малыш в белой рубашечке, стоящий на мостках посередь водной глади, был единственным целым с этой чудесной сельской картиной, дополняя ее своим живым и острым взором.

– Ах вот ты где... А ну, быстро домой! – Татьяна Фёдоровна наконец-то нашла своего огольца, который сбежал со двора без разрешения, за что предсказуемо получил шлепок по попе.

И Сережка, увернувшись от матери, сломя голову помчался домой.

Сцена вторая

*До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.*

Сергей Есенин

Огромный шумный город с высоченными небоскребами, взметнувшимися в небо как символ молодого алчного капитализма, жил на широкую ногу. Тарахтя и непрестанно сигналив, сновали автомобили, мальчишки звонко выкрикивали последние новости, гудела нескончаемая толпа, одетая, как на подбор, в деловые костюмы темных тонов.

А среди этих невообразимых потоков, никого и ничего не замечая, легко и изящно порхала Айседора Дункан в дымке полупрозрачного шарфа. И хмурые люди невольно расступались, освобождая путь божественной нимфе.

Она и ее спутница вышли вовсе не из садов Эдема, а из обычной кофейни, стоявшей тут же на углу, и сразу окунулись в бешеный ритм стального города.

– Это невыносимо! – воскликнула Айседора, нахмутив бровки, – этот мальчик, в конце концов, сведёт меня с ума. Мало того, что я пожертвовала своими принципами, чтобы быть с ним, так он ещё постоянно демонстрирует мне своё невежество. – Она никак не могла успокоиться после проделок своего мужа вчерашней ночью.

– Зачем же вы тогда взяли его с собой, раз вам с ним так плохо? – спросила ее компаньонка.

Дункан бросила на нее взгляд и тяжело вздохнула:

– Ах, милая моя, ты ещё слишком молода, чтобы понять мои чувства. Этот мужчина, он невероятен. Любить его, это лишь то малое, на что я гожусь. Восхищаться таким человеком можно очень долго, если не бесконечно, – Айседора томно подняла взгляд вверх, но неба за железными конструкциями не увидела. – Его невероятные голубые глаза, эти золотые волосы, сильные руки... Всё в нём гармонично, понимаешь? Такие люди, встречаются в нашей жизни, дай Бог, один раз в жизни, как можно отвергать судьбу, когда она сама летит в твои объятия.

– Тогда почему он не замечает вашего отношения? Вы так хорошо о нём отзываетесь, даже после таких вот проделок. – имея в виду вчерашнюю ночь, произнесла спутница.

– Дурочка! Потому, что он – глупое дитя! – вспыхнула Дункан. – Он прекрасный человек, но невероятный упрямец. Этот чёртов алкоголь меняет его до неузнаваемости. Пока он трезв, он так кроток, так скромен и мил, что с него можно писать картины, создавать скульптуры, которые будут шедеврами. Но стоит ему выпить лишь каплю этого дьявольского напитка, как он сразу превращается в монстра. Ах, эти русские... Жить без водки не могут!

– А вы не пробовали оградить его от алкоголя, если всё так плохо? – недоуменно спросила девушка.

– Конечно, пробовала! И не единожды. Но он не может без него жить. Я и сама не могу без вина или шампанского, чего уж говорить о мужчине. К тому же, мы, творческие люди, и только алкоголь нас расслабляет, увы. Под его фимиамом мы пробуждаемся для искусства. Ах, золотая голова! – тяжело вздохнула Айседора.

Женщины прошли по оживленной авеню, свернули на тихую стрит и, оказались у дома, где проживала знаменитая танцовщица.

– Приготовь пирожные для завтрака, а я посмотрю, как там Сергей, – дала распоряжения Айседора Дункан своей компаньонке, и стала подниматься по лестнице на второй этаж.

– Айседора, как вы? Я слышала очередные крики и звоны вчерашней ночью. – спросила переводчица, вышедшая встречать госпожу.

– Всё в порядке. Мы всего лишь побили пару ваз, это не страшно. Хорошо, что вы мне напомнили, а то я уж было успокоилась... Но нет, сейчас я снова хочу устроить ему взбучку! Этот невыносимый мужлан! Как же можно так обращаться с женщиной?! Сейчас я ему...

Айседора опять завелась, после вежливого вопроса переводчицы. Но, открыв дверь в спальню и увидев...

В первое мгновение солнечный свет ослепил ее, и она зажмурилась от неожиданности. Белые шторы взметнулись от сквозняка, листы бумаги, лежавшие повсюду, взлетели, словно птицы и повисли в воздухе.

За столом в раздумьях сидел Сергей Есенин.

Он встал не так давно и, умывшись холодной водой, оделся просто – брюки да рубаху. Собрав с пола цветы, он поставил их в вазу. Не отдавая себе отчет, Сергей подошел к окну и распахнул его, и тут же, схватив бумагу и перо, сел за стол и принялся быстро писать, уже не думая ни о чем другом. Таким его и застала Айседора.

Сергей медленно перевёл взгляд на нее, отвлекшись от своих строк. Солнце осветило его золотые волосы, его голубые глаза и ясный взгляд. Его брови были чуть приподняты, а легкая улыбка, как у невинного младенца, придавала его лицу выражение кротости и безмятежности.

Таким предстал перед ней Сергей, и, увидев своего мужа с пером в руке, она не смогла вымолвить ни слова. Ворвавшись в комнату, Айседора много чего хотела сказать ему – отругать, обвинить, хотела поплакать в всеобщем прощении и примирении, но мгновенно сдалась под его неведомыми чарами.

Сцена третья

*Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.*

Сергей Есенин

В студенческом общежитии, в комнате номер 26, три подруги собирались на поэтический концерт. Девочки были возбуждены и в порыве эмоций металась по комнате в поисках, как всегда затерявшихся в нужный момент, нарядов. На дворе было тепло, поэтому прятать свою красоту под громоздкими вещами не было нужды. Подруги желали выглядеть красиво и элегантно, а это для студенток было не просто, поэтому сборы заняли чуть ли не пол дня. Но им нравился этот суетливый процесс, к тому же они непрерывно щебетали, предвкушая предстоящее событие.

– А кто там, кроме наших, университетских, ещё будет? – спросила Вика.

– Есенин там будет! – ответила Лиза.

– А ещё?

– Маяковский!

– А дальше? – не унималась Виктория.

– Тебе мало, что ли? Лучше их нет никого, – красуясь перед зеркалом, произнесла Елизавета.

– Там будут ... – третья подруга, Варя, произнесла ещё несколько известных фамилий поэтов и неизвестных однокурсников.

Да, сегодня должен состояться концерт знаменитых поэтов и писателей. Такие концерты в молодой республике были популярны, и почитатели художественного слова охотно посещали подобные мероприятия, где бы они не проводились. Творческие люди в это непростое время, а особенно те, кто сами читали свои произведения, пользовались народной любовью. Особенно их любила молодежь и, конечно, студенты.

– Да ладно, остальные не в счет! Вот Есенин и Маяковский – это мужчины! Я бы не задумываясь вышла за кого-нибудь из них замуж. – воскликнула Лиза.

– Фу, какая ты легкомысленная, – осудила ее Варвара.

– А что? Не смотреть же как успевают другие перехватить таких женихов! Нет уж, спасибо. Я сама хочу быть счастливой, – уверенно заявила Елизавета.

– Про Есенина говорят, что он похабник и скандалист. Такое ты счастье для себя хочешь? – скривилась Вика.

– Вот если б я была с ним, всё это вылетело бы из его головы! Ему просто нужна нормальная баба, как я! – воскликнула Лиза.

Подружки рассмеялись.

– Вы сами-то, почему идете на концерт, раз он такой плохой? – задала встречный вопрос Елизавета.

Девушки молчали.

– Ну-у-у... – протянула Вика.

– Баранки гну! – заключила Лиза, – Вот я года полтора назад видела Серёжу в Москве...

– Серёжу... Как ты фамильярно к Сергею Александровичу! – пожурела ее Варя.

– А мне можно, мы почти земляки, – ответила Елизавета и продолжила, – Так вот в Москве, я видела его тоже на концерте, он читал свои стихи. Девочки-и-и, это невероятно! Он читал так... так... Я даже не знаю, как это описать. Его слова были такими простыми,

отрывистыми, не нараспев, как у других. Ну, знаете же, как модно сейчас стало стихи читать. Он читал так легко и понятно, что дух захватывало! Да еще со своей улыбочкой – жуть! Он смотрел в зал на слушателей и словно обращался к каждому отдельно. И ко мне тоже. Вот тогда я почувствовала, как Серёжа, читая свои стихи, полностью проникает в твою душу. И сейчас, вспоминая ту встречу, я понимаю, что никто не читал свои стихи так хорошо, как Есенин. Это была сама жизнь. И он словно чувствовал свой магический дар, которым он обладает... – замечтавшись, уставилась в потолок Лиза.

– Да ты, Лизка, прям как настоящий писатель его описала, – удивилась Вика.

– Видимо, он и правда запал тебе в душу, – произнесла Варя задумчиво.

– Это любовь! – выпалила Лиза.

Собравшись, приведя себя, наконец, в полный порядок, девушки отправились в университет заранее, чтобы успеть занять места поближе к сцене. Проходя через небольшой скверик, что находился подле здания, где должен был состояться концерт, девушки неожиданно заметили мужчину, очень похожего на Маяковского, фотографические карточки которого, были, наверное, у каждой студентки. Они замедлили шаг, и уставились на мужчину, гадая, он это или нет. Тем временем незнакомец склонился к цветам на клумбе, источавшим удивительный аромат, и вдохнул чарующий запах полной грудью.

– Это живой Маяковский! – воскликнула Вика, оторопев.

Девушки, как под гипнозом, подошли к нему, глядя на поэта восхищенными глазами. Тут же и остальные студенты, узнав своего кумира, окружили Маяковского, завалив его вопросами и приветствиями. Он отпрянул, и недоуменно оглядел веселую гурьбу.

– А вы кто такие и что здесь делаете? – наконец спросил поэт.

– Мы пришли послушать Владимира Владимировича Маяковского! – радостно выкрикнул самый высокий студент.

Маяковский, ожидая увидеть на концерте в университете ажурных юных созданий со взором горящим, был поражен, увидев перед собой вполне взрослых мужчин и женщин. Но то была лишь видимость – за серьезной внешностью скрывались те же восторженные дети.

– Тогда будем знакомы, – поэт расслабился и пожал руку высокому студенту.

Все ахнули, пораженные простотой манер знаменитого поэта, и тоже потянули руки – «сам Маяковский, сам Маяковский»!

Непринужденный разговор продолжился. Владимир Владимирович был очень интересным собеседником, да и студенты его заинтересовали, и постепенно, поэт повернул дело так, что уже он спрашивал, а студенты чуть не хором отвечали. Галдеж стоял страшный, как будто на проезжей части случилось какое происшествие. Даже стали собираться посторонние зеваки.

Но тут в сквере показался Есенин, все опять замерли. Светило солнце, а Сергей Александрович, отчего-то был в пальто и укутанным в красный шарф. Маяковский воспользовался моментом, и выскользнул из круга почитателей.

– Занимайте места! – крикнул он студентам, обернувшись, а сам устремился к своему собрату по перу.

И поэты поспешно скрылись в глубине здания. Девушки, еще какое-то время постояв с открытыми ртами, тоже помчались в зал.

Литературный вечер начался! В зале было много гостей, преподавателей и студентов. Вначале прошла официальная часть, в которой свой доклад нудно прочитал ректор, рассказав о новых завоеваниях Октября в области просвещения, а потом выступили свои, университетские, поэты, в тон ректору славящие героев революции. Но главные гости все не выходили.

И студенты стали роптать. Сначала тихо, а потом все громче и громче. Ректор позвонил в колокольчик и потребовал тишины, а не то...

Но тут на сцену вышли Маяковский и Есенин. Зал вскочил и взорвался овациями!

Сергей Александрович поднял руки, призывая всех успокоиться, и, взявшись за горло одной рукой, мол, ему трудно говорить, другой указал на Маяковского.

Владимир Владимирович усмехнулся и громко произнес:

– Сережка болен! Буду говорить я!

– Как он прекрасен... – прошептала Лиза, непонятно о ком.

– Слушай Маяковского, когда ещё будет такая возможность, – ответила ей Варенька, зная предмет воздыханий подруги.

– Ах, девочки, я люблю их обоих, но Есенина больше, поэтому не могу ему изменить, – закатила глаза Елизавета.

– Заканчивай витать в облаках, лучше окультуривайся, – шепотом произнесла Вика.

– Поэма! – рявкнул Маяковский, и начал читать.

Зал дрожал от мощного голоса трибуна.

– Идем! Идем, идем! Иде-е-е-е-е-м!

Он произносил слова так, будто бил молотом по наковальне.

– Я не очень люблю про революцию. Мне по душе о любви... – проговорила, перекрывая шум, Лиза.

– Тише ты! Не мешай другим, – зашипела Варя, и Лиза опустила глаза, не смея более перебивать великого поэта.

– Бей, барабан! – продолжил громовым басом Маяковский, – Барабан, бей!

Или – или.

Пропал или пан!

Будем бить!

Бьем!

Били!

В барабан!

В барабан!

В барабан!

Революция

царя лишит царева званья.

Революция

на булочную бросит голод толп.

Но тебе

какое дам названье,

вся Россия, смерчем скрученная в столб?!

Читая стихи, Маяковский сопровождал каждую строку резкими жестами. Его голос то взлетал до небес, то опускался до проникновенного разговора с каждым. Зал, проникшись ритмом времени, затаил дыхание. И, как только смолкли последние слова, опять разразился аплодисментами. Все словно с цепи сорвались, студенты, уже не обращая внимания на ректора, выкрикивали лозунги вперемешку с «бис» и «браво» и, поскольку до поэта было не дотянуться, обнимали друг друга. Но тут опять резко зазвонил колокольчик, призывавший всех к спокойствию.

Когда в зале поутихло, вдруг поднялся Есенин и попросил слова. Преодолевая боль в горле, он откашлялся, и тихо произнес несколько фраз в качестве вступления. Почти никто его не расслышал. Кто-то крикнул: «не слышно! И даже: «не видно!». Есенину предложили подняться на кафедру, но он отказался. Тогда наиболее активные студенты выбежали на сцену и, подхватив его, поставили на стол.

Есенин, смущенно отряхнувшись, объявил, что будет читать «Пугачева». Он начал читать хрипло, но постепенно овладев голосом, увлекся и его стихи потекли, как полноводная река. Он не просто читал, а, как артист, играл, создавая живые образы своих героев. Удивительно легко, свободно он преображался то в Пугачева, то в атамана Кирпичникова, то в Хлопушу.

Когда он закончил, и остался стоять, обратив взор куда-то вдаль, зал пуше прежнего взорвался аплодисментами, словно всё это время лишь разогревался, готовясь к финальному фурору.

Поэмы двух поэтов были на удивление похожи, что подметил и сам Маяковский, не сводивший глаз с Есенина.

– Это хорошо, похоже на меня! – громко, во всеулышание произнёс Владимир Владимирович.

– Нисколько не похоже, моя поэма лучше! – ответил Сергей Александрович.

В зале раздался смех.

Девушки под огромным впечатлением шли с концерта в общежитие, держась за руки.

– Это настоящий праздник! – воскликнула Варвара.

– Тебе так понравилось? – спросила Лиза.

– Да, очень! Эти голоса, мимика, жесты, просто театр, – мечтательно сказала она.

– А вы заметили, что Есенин всё время что-то записывал на колене в свой блокнот? – поинтересовалась Вика.

– Наверняка хотел запечатлеть мой лик! – дерзко предположила Елизавета.

– Несомненно! – не сдержав смеха, произнесла Вика.

Подружки захохотали.

Не успели они у себя в комнате переодеться, как в их дверь раздался стук. В коридоре слышались возгласы и шум.

– Кого там ещё принесло? – недовольно проворчала Лиза, открывая дверь.

– Девчонки, айдате, там Есенин пришёл!

– Что?! – вскрикнула Лиза и вслед за ней ее подружки.

– Есенина, говорю, в общежитие привели, повторил знакомый студент, – Маяковский отказался из-за какой-то поездки, а Сергей Александрович согласился. Пошли быстрее, что время терять.

Девушки, как были, успев только распустить волосы, побежали на встречу с поэтом.

– Прошу вас, только никому не говорите, что я здесь. Я не хочу видеть тех, кто мне неприятен, они гоняется за мной, как ищейки, – просто сказал Есенин вместо приветствия, – понимаете, мне досаждают всякого рода журналисты, просто беда. Никуда не скрыться.

Они собрались небольшой группой в одной из комнат общежития, и расположились, кто где – на стульях, столах, кроватях. Есенину предоставили старое потрепанное, но единственное кресло в центре компании.

Девушки затаили дыхание – вот он, рядом, живой, можно потрогать...

– А что им надо от вас, – спросил тот самый смелый студент

– Да ну их! Все пристают «над чем работаю?», «о чем пишу?». И еще постоянно просят рассказать об Америке. Предлагают написать мне об этом книгу, устал от них. Как будто у нас не о чем писать.

– Ох, Сергей Александрович, расскажите... – обомлела от близости поэта Елизавета, пододвинув стул поближе к нему.

– Что ж вы охаете, ахать нужно, ведь я живой, – улыбнулся Есенин.

Вечер волшебным образом преобразился, все забыли, кто они, где...

Сергей Александрович просто рассказывал о себе, о жизни, как он ее видит, о каких-то смешных случаях, а студентам казалось, что это античный бог спустился к ним с небес. Они внимали ему, затаив дыхание, даже не совсем понимая, о чем он говорит.

– ...Они недооценивают мои труды, – вздохнул Есенин.

– Кто?! – возмутилась Лиза, и даже привстала, готовая разорвать этих невежд.

– Да газетчики, – посмотрел на нее поэт, – спрашивают, будут ли новые стихи отличаться от «Москвы кабацкой»? Представляете?! Они, вероятно, думают, что я ничего иного написать не могу.

Он невольно вернулся к теме неприятных ему людей, от которых он скрывался, где угодно, вот как сейчас.

– А критики... Невероятно «нужные» люди, – покачал головой Есенин. – Бывало ловлю их за руку и спрашиваю: что же вы так говорите обо мне, небось стихов не читали моих? Зачем же обманываете добрых людей? Читатель желает знать правду, а вы меня на грех толкаете.

Сергей Александрович грустно улыбнулся, и продолжил.

– Литература – дело серьезное, до дьявола требует потливого труда. Надо много, очень много работать, чтобы добиться результата. После вольного разговора, студенты попросили поэта почитать стихи. Есенин на удивление охотно согласился.

Его негромкий голос, покой во всем облике, почти полное отсутствие жестов – всё в этом человеке говорило об истинном мастерстве и таланте.

Закончив читать очередной стих, неожиданно для всех, Есенин обратил внимание на книги, которые в беспорядке лежали на столе подле него. Здесь были навалены горы литературы – и русская классика, и иностранная, собрание сочинений различных авторов, справочники, словари и бог знает, что еще. Эта разномастная «библиотека» заинтересовала поэта.

Сергей Александрович, мгновенно забывшись, стал перелистывать незнакомые ему книги и записывать в свою книжечку их названия. Какие-то книги он откладывал, но многие оказались ему знакомыми, о чем он тут же сообщал удивленной публике.

Перебирая книжки, он спросил, каких советских поэтов они вообще читают. Студенты вытащили из груды и показали ему несколько сборников его стихов. Он улыбнулся. Ему приятно было узнать, что они читают и его стихи. Он взял книжечку и с удовольствием её подписал.

В это время, не сговариваясь, самые активные студенты стали быстро накрывать стол, стоявший поодаль у окна. Они постелили скатерть и выложили на нее разнообразную снедь, привезенную или присланную им из дома. Парни из прикамья – золотистых вяленых лещей, волжане – осетровой икры, белорусы – ароматную розовую ветчину, кавказцы – вино и фрукты. За считанные минуты в скромном общежитии были выставлены шикарные угощения со всей страны.

Сергей Александрович улыбнулся, покачал головой, размотал шарф, который так и висел на нём всё это время, и взял рюмку. Чокнувшись со всеми и взмахнув рукой, он выпил ее одним махом. За столом все чувствовали себя удивительно свободно, говорили непринужденно, как будто они все были знакомы тысячу лет, хотя девушки не знали даже всех студентов в этой компании. Смеялись, болтали о всякой чепухе, а по просьбе Сергея Александровича местные таланты прочли свои стихи. Он внимательно слушал и улыбался.

А потом кто-то запел, и все дружно подхватили.

С особым воодушевлением спели песню «Ой, да ты, калинушка, ой, да ты, малинушка». Эта песня глубоко растрогала и взволновала Есенина. Он подошел к открытому окну, сел на подоконник и закурил.

Подперев подбородок рукой, Сергей Александрович, устремив свой взор куда-то вдаль, о чем-то задумался.

Парни притихли, боясь нарушить его раздумья, и, замерев, смотрели на него с восхищением, ну а девушки, естественно, с искренней любовью.

Сцена четвертая

*Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.*

Сергей Есенин

– Хорошо, а с васильками что сделаешь?

– Хм... Василёчки голубые вылезают на меже, где же вы поля родные, что цветут в моей душе.

– Здорово!

– Лихо-то как!

– А-а-а вот с дитём?

– Люли-люли, кроха спит, а над ним комар летит, щас как кусит малыша, больно щечка хороша!

– Ого! Тебе бы стихи писать, Серёжка.

– Да, складно у тебя всё так, как частушки прям, – говорили о Есенине школьные друзья, что окружили его на переменке.

С первого дня, как одноклассники познакомились с Сергеем, тутча узнали, что он очень любит читать книжки. В школу он ходил обычно в белой длинной рубахе, а под ней или в руках у него почти всегда была какая-нибудь книга. Это последнее обстоятельство и выделяло его среди сверстников.

Семья Есениных жила рядом с церковью и с ранних лет Сережа слышал по праздникам колокольный звон. В Константинове их звали «монахи», поскольку дедушка Никита Осипович в юности хотел уйти в монастырь, да не ушел, и внука, как, впрочем, и все дедушкино потомство, деревенские звали Серега-монах.

Учился он хорошо, часто оставался после занятий в классе и сидел в углу с книжкой. Читал и в общежитии при школе, когда его товарищи во всю развлекались. Так, в один из учебных дней, Есенин подошёл к своему школьному другу и сказал:

– Пойдём, Павлуша, в городскую библиотеку, там, я слышал, книжки новые привезли.

Школьная давно перестала его удовлетворять.

– Нет, Серёж, мне ещё уроки делать, – отмахнулся Павел.

– Ничего, я тебе помогу после. Пойдём, составь мне компанию, пожалуйста, – мягко, но настойчиво попросил Сережа.

Есенин взял друга за руку и потащил за собой. По дороге Павел поинтересовался, как это у Сергея так лихо получается складывать рифму.

– Серёж, вот расскажи мне, как тебе это удаётся?

– О чём ты? – не понял он.

– Как ты слова так складно слагаешь?

– Ах, это... Наверное Божий дар, не меньше, – с хитрой улыбкой ответил Сергей. – А вообще, я открою тебе тайну! Я специально выписываю слова из словаря Даля и использую их в стихах. Я же, Павлуша, ещё стихи пишу, а не просто рифмы слагаю! – гордо произнёс юный поэт.

– Правда?

– Правда-правда! Мне очень нравятся старые необычные слова. Бывает, выпишу одно такое слово, и стишок напишу вокруг него. Там и смысл придам и старинный образ поддержу.

– А ты свои стихи кому-нибудь уже показывал?

– Конечно! Стихи я пишу с восьми лет. Мамке читал и учителю нашему, что в селе.

– А они что? – выпрашивал своего друга Павлик.

– А что они? Мать говорит, чтоб я дурью не маялся, лучше бы работал, а то только книжки читать, да стихи писать горазд. А учитель... В общем, он по настроению. Иной раз похвалит, а иной положит мой стишок в карман и носом в учебник ткнёт. Тяжело мне, Павлуша, никто не понимает... – с горечью произнёс Сергей.

А потом как расхохочется, да так, что все прохожие обернулись.

Когда они проходили через базар, оба неожиданно почувствовали страшный голод, им так захотелось есть, что в животах заурчало у обоих. А денег ни то что с собой, вообще никогда не было. Серёжа подбежал к бабке, что продавала леденцы, да и сказал:

– Бабуся, помогите! Голод нас совсем одолел, а мы живём далеко. Вот пришли в библиотеку, учиться хотим, а еды с собой никакой нету...

– Ишь, что удумал! Болтать каждый может. Любишь с горочки кататься, люби и саночки возить. Хочешь леденец? Помоги бабке продать остальное. Вот продашь пятерню, получишь петушка на палке. А просто так, сынок, дать не могу, сам пойми. Я уже старенькая, вот сижу тут, торгую, чем Бог послал. Павел уже было опустил голову, и хотел уйти, как неожиданно Сережа воскликнул:

– Мы согласны. Поможем вам!

Он повернулся ко всему базару и громко закричал первое, что приходило в голову:

– Купите, братцы, леденцы, запоете как скворцы! Погрызите петушок, подрастете на вершок! Подходи, налетай, петушков покупай. Леденец на палочке для прекрасной панночки!

– Ишь какой!

– Ха-ха-ха! Ну, давай, юнец!

– Какая я тебе панночка?!

Такие ответы посыпались со всех сторон на рифмы ярмарочного зазывалы. Некоторые хмурились от его слов, а кто-то искренне смеялся. Так или иначе, Серёжа, своими стишками, которые после подхватил и Павел, продал за короткое время целую корзину петушков. Бабуся была так рада, что предлагала им приходить на базар почаще, и помогать ей, но ребята, взяв награду, лишь поблагодарили старушку, предпочтя учебу. Так, наконец, и дошли до библиотеки.

Порывшись на стеллажах и взяв пару книг с собой, ребята отправились обратно в общежитие. Серёжа молчал в читальном зале, поэтому теперь ему было нужно выговориться, и он стал рассказывать Павлику о своей жизни в селе.

– Много у меня проделок было в то время. Даже на второй год оставили из-за этого. А потом и вовсе безбожником окрестили, представляешь?

– Да-а-а, меня бы папка давно бы выпорол, – сказал Павлик.

– Мой-то в Москве живёт, ему меня не достать. Вот подрасту и сам к нему поеду, а там, глядишь, и в Петербург попаду, – предвкушая собственное безоблачное будущее, Сережа делился с другом своими мечтами.

Сцена пятая

*Грубьм дается радость,
Нежньм дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.*

Сергей Есенин

Сергей Александрович стоял в большом зале художественной галереи в высоком черном цилиндре, строгом костюме, и, опершись на трость, наслаждался живописью. Сегодня здесь проводилась выставка русских художников, а всё русское было дорого Есенину.

Репин, Полёнов, Серов, Васнецов, Шишкин, Айвазовский – все эти художники и те чувства, что вдохновляли их, были близки и понятны Сергею Александровичу, и он не мог налюбоваться на родные просторы. Его до глубины души трогали картины русской природы, незатейливого деревенского быта. Когда он их видел, а теперь, в городе, это удавалось не часто, он как будто возвращался в свое безмятежное детство и вновь испытывал те же прекрасные мгновения, какие испытывал мальчишкой. Но, как ни странно, его привлекали и картины Айвазовского. Он и сам не понимал почему, но что-то притягивало его к бушующей стихии. Возможно оттого, что он привык твёрдо стоять на земле, а не на зыбкой палубе, ему было привычнее видеть колосающиеся нивы, а не бушующий океан в лучах багрового заката. А возможно, те цвета, что подобрал художник, вызывали в нём новые эмоции, которых ему иногда не хватало.

– Посмотри на него, стоит, как ни в чем не бывало! Нацепил этот дурацкий колпак и радуется, – ехидно проговорила Екатерина Есенина.

– Пусть. Сегодня его день рождения, ему можно всё, – защитила Сергея Александровича его поклонница Галина Бениславская.

Этим утром, в день своего рождения, приведя себя в порядок после бессонной ночи, Сергей неожиданно вышел к сестре и Галине в крылатке с тростью и в высоком цилиндре, какой носил Пушкин.

– Вот те на! Ты что на карнавал собрался? – удивленно спросила Катя.

– Катенька, Галенька, идите сюда.

Он взял девушек под руки и подвёл к зеркалу, встав перед ним.

– Правда это смешно? – спросил Есенин.

– Невероятно смешно, – саркастически ответила Катя.

– Тебе очень идёт, – смущаясь произнесла Галя.

– О, мне так хотелось хоть немного быть на него похожим! – произнес Сергей со вздохом, рассматривая своё отражение.

– С праздником вас, Сергей Александрович. Будьте, кем хотите сегодня, – произнесла Екатерина.

Да, было в нём что-то детское, милое, наивное, и всё это так нравилось Галине Бениславской, которая не просто восхищалась поэтом, но и была его первой помощницей в любых начинаниях. Она так боготворила Есенина, что была готова даже горы свернуть ради него, но сегодня...

Сегодня он казался ей другим. Нет, он оставался все таким же красивым и нежным, но другим. Не было в нем этакое «мужицкого», что иногда неожиданно проскальзывало в его поведении. Это было что-то иное, еще неведомое...

– Сегодня такой хороший день, давайте куда-нибудь сходим? – предложил Сергей Александрович.

– К примеру? – запихивая ватрушку в рот и запивая ее чаем, спросила Катя.

– Я не знаю... – спокойно ответил Сергей.

– Можно сходить в галерею, там, кажется, большая выставка, – предложила Галина.

– Но мы же собирались вечером в ресторан! Нужно же одеться соответственно, всё такое, – ответила сестрѐнка.

– То будет вечером, а сейчас, айдате в галерею.

Сергей Александрович схватил ватрушку, откусил, и подошёл к Гале.

– Ты же моё солнце, спасибо тебе, отличная идея, – поцеловав девушку в лоб, проговорил Есенин и ушел собираться.

Девушка не могла прийти в себя от нечаянной ласки Сергея. Каждое прикосновение этого человека вгоняло её в дрожь. Она смутилась, но была искренне рада.

Проведя какое-то время в галерее, тройца отправилась гулять дальше.

– Чего изволите?

– А-а-а, принесите нам самовар, да пирожных, да побыстрее.

– А вам можно столько сладкого, мадам?

– А вы не беспокойтесь за мою фигуру, в России любят подобных мне.

– Я, как денди лондонский, не разделяю вашу точку зрения, – дурачились Есенины.

Брат с сестрой были так дружны, что не мыслили жизнь друг без друга, да ещё и этот наряд Сергея...

Они не могли не дурачиться, находясь вместе, а тут и повод был, и образы подходящие, и Галина, пребывая в их компании, буквально присутствовала в театре двух актеров, причем, в первом ряду, можно даже сказать, прямо на сцене. Бродя по улицам, они, веселясь и поддразнивая, останавливались у всех ларьков и лавок. И в этот момент на бульваре им на глаза попался мальчик, игравший на маленькой гармошке. Ну, мимо гармони Сергей, дело ясное, равнодушно пройти никак не мог. И через минуту Есенин уже стоял с сестрой перед фотографом, задрав голову, притоптывая и наигрывая на гармошке веселый перепляс.

Как же всё-таки хорошо сегодня все сложилось. Галина Бениславская не могла нарадоваться за своего кумира – что у него хорошее настроение, что они вместе...

– Ох, что за насыщенный день, – произнесла Катенька, подойдя к Гале.

– Надеюсь он таковым и останется. Не хочется, чтобы Сергей сегодня расстраивался, – произнесла Галина.

– Особенно не хочется встречаться с его «дружками», которые так и норовят отравить ему жизнь, а в день рождения будут еще его зазывать к себе, – проговорила Катя сокрушенно.

– Сергей Александрович, – крикнула Галина, видя, что тот, расплатившись с фотографом, что-то дает и мальчику с гармонью.

– Уже бегу! – выкрикнул он в ответ. – Вот и я.

– Хватит всем деньги совать, самим не хватает, – пожурела брата Екатерина.

– Да я не деньги, я конфет ему дал. Да-да, конфеток дал, – нашёл отговорку Сергей, но ему всё равно не поверили.

Все близкие знали, какой Сергей Александрович щедрый. Сколько бы у него не было денег, они всегда уходили тот час же. Он помогал не только проходимцам и нуждающимся, но и буквально всем литераторам, у которых были проблемы в жизни. Помогал от чистого сердца, через других, не ожидая благодарности. Помогал, а сам, на следующий день шёл занимать рубль у других знакомых.

– Чем так транжирить, лучше шубу бы мне подарил, – произнесла Катя.

– Так, цыц, дитя моё! Будь благодарна за то, что имеешь, – примерил на себя новый образ Сергей Александрович.

Друзья рассмеялись. Идут, смеются и вдруг видят перед собой нищенку – маленькую девочку, укутанную в рваные тряпки. Она стояла и заворуженно смотрела на витрину красивых платьев.

– Ну-ка, давай, иди отсюда! – закричала продавщица на нищенку торговка, – и куда только смотрит милиция.

Девчушка испугано отошла чуть в сторону и, облокотившись о стену, исподлобья посмотрела на злую тетку. Грязная, чумазая, то и дело ловит на себе насекомых – жуть! Прохожие качали головой, отводя взгляды. А сама девочка, сжавшись в комочек, стреляла глазками в поисках чего бы стащить...

– Да, тяжелые времена настали... Всюду эти несчастные ребятишки, оборванные, голодные. Что поделаешь! Самим есть нечего! – говорили меж собой люди у магазина.

Есенину претили и показная жалость к несчастным детям, и брезгливое отношение к ним. Слыша подобные разговоры, он возмутился:

– Стыдно так рассуждать! Поймите, они же дети! Им бы в бабки играть, змея с колокольчиком запускать, а они кусок хлеба ищут, крышу над головой! Нечего удивляться их враждебности – они слова хорошего не слышат, все их гонят: дворники, господа обыватели... А ты подойди, не побрезгуй, поговори. Глядишь, и огонек загорится в быстрых глазенках, – говорил Сергей Александрович. – Пойдём с нами. Ты наверняка голодна? Мы о тебе позаботимся, пошли.

Он взял девочку за руку и повел по улице. Она испугано тащилась за ним следом, однако, не делая попыток сбежать. Спутницы поэта смиренно молчали.

– Какая ты красивая. И косы у тебя русые, и скулы мордвинские, и глазки заичьи, голубые. Вырастишь, будешь доброй, умненькой. И дел каких натворишь. Будешь с досадой вспоминать своё детство, а сама для точно такой же детворы праздники устраивать и зимой с дедами-морозами и летом на реке. Будет это, будет! – беседовал с малышкой Сергей Александрович.

Добравшись до знакомого ресторана, Есенин ввел туда всю компанию. В дверях их с ужасом встречал солидный швейцар.

– Сергей Александрович! Добрейшего вам денёчка, как поживаете? – запричитал он, поглядывая на чумазую спутницу поэта.

– Спасибо, Кузьмич, всё хорошо. Сегодня празднуем мой день рождения. Вот к вам на обед пожаловали. Пустите ли вы гостей дорогих? – толкая тростью малышку вперед, добродушно проговорил Есенин.

– Вас, конечно, с праздником, Сергей Александрович, но как же так можно. Эти дети... Никак нельзя! Она ж сразу напустит!

Малышка пугливо озираясь, спряталась за спину поэта.

Да, времена были голодные: и революция, и война, и мор в Поволжье – всё это сказалось на облике столичного города, отчего многие подобные заведения пустовали. В лучшие свои времена ни в один приличный ресторан ни за что не впустили бы беспризорника, а теперь... Теперь выбирать не приходилось...

– Нам четыре обеда, кофе и пирожных побольше. Катенька, душечка моя, сходи, выбери с официантом, а я пока поухаживаю за нашей гостьей.

Есенин отвел ее в уборную и помыл ей руки и чумазую рожицу, как мог, потом, вернувшись в зал, снял с себя пальто и постелил под малышку, чтобы никто из персонала не смел сказать, что она портит им мебель. Понимая всё наперёд, Сергей Александрович делал всё, чтобы малышке было спокойно с ним. Катя и Галя пребывали в растерянности – с одной стороны они по-женски жалели девочку, а с другой – испытывали неловкость от такого соседства.

Наконец, принесли обед. Маленькая нищенка ела жадно, не успевая прожёвывать, и Сергей подкладывал ей из блюда новые кусочки. Он незаметно разглядывал русую малышку, приговаривая:

– Кушай, милая, кушай...

Подали кофе и пирожные. Беспризорница только теперь по-настоящему пришедшая в себя, охнула, встала из-за стола и произнесла тихо:

– Спасибо, дяденька, я пойду.

Есенин усадил её обратно:

– Да ты пей, не стесняйся. Не гляди, что сейчас я городской. Я тоже из босой команды. До первого снежка, бывало, по деревне босиком бегал.

Пока сидели, Сергей Александрович развлекал гостью прибаутками да загадками.

– По двору рассыпались желтые одуванчики. Ну? Угадала? Эх ты! Это же цыплята!... Цветок на заборе поет, кто это? Правильно, петух!

Есенин любил детей искренне, от всей души. Когда поэт шел по улице, то частенько оглядывался на игравших ребятишек, бросал им на ходу ласковое словцо, шутку. А порой останавливался, поднимал малыша на руки.

– Ну-ка, полетим, Уточкин!

Разговаривал Есенин с малышами не сюсюкая, а как равный с равным, как старший и добрый друг. Это ему легко давалось, ибо в самом поэте было столько детского озорства, что только держись!

Галина Бениславская нередко становилась свидетелем того, как Сергей Александрович обращается с детьми. Порой, даже были случаи, когда он пристраивал их в детские дома, а завистники, к возмущению Гали, продолжали вешать на него ярлыки пустого пьяницы и злого бездельника.

Сцена шестая

*Вечером сишим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.
Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...
Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!*

Сергей Есенин

Сергей, сидя на лавке у окна, закрыл глаза и задумался. Потом глубоко вздохнул и потянулся. Уф! Он был дома, в родном селе! А в родном селе каждый день был светлым и радостным.

Так и сегодня. Солнце стояло высоко, пели птицы за окном, а белая берёза, что росла у самого дома, шелестела листвой от лёгких дуновений ветра. Есенин всегда приглядывал за своей берёзкой. Раньше по ней он определял свое настроение, погоду и даже время – время года уж точно. Но то было дело минувших дней, теперь всё иначе.

В доброй рязанской сторонке Сергей Александрович писал очень охотно и споро, но сегодня почему-то стих совсем не шёл. Отвлёкшись, он увидел на дороге ребятню, гонявшуюся за курами и услышал их весёлый смех. Он сразу вспомнил, как он, босоногий, но уже большой парень, так же бегал за гусями, чтобы выщипать перо для письма. Вдохновение на него находило внезапно, а инструмента под рукой не было, вот он и бежал без обуви, чтоб скорее продолжить сочинять. Не терпелось!

Матушка его часто ругала за такое безобразие – поэзию. Говорила, что он только и знает что писать и читать, а нужно по хозяйству помогать, вот где настоящий труд. Продавал бы что ли свои творенья...

На что, ещё юный Серёжа отвечал следующее:

– Не ругайтесь, такое дело, не торговец я на слова...

Есенин улыбнулся. Ведь знает же, что было не совсем так, но всё равно, этак подходит для истории и воспоминаний. А это были строки его нового стиха, потому и улыбнулся. Не выдержав маяты, Есенин махнул на всё рукой и отправился на прогулку, пройтись по родным местам, а там, глядишь, и рифма придёт и тема появится.

– И-и-и, все вместе: «яблоня спелая, ночь под окном белая...»

Из школы доносилось пение детского хора под аккомпанемент рояля. Есенин удивился звукам рояля и заглянул. Дети беспокойной гурьбой собрались вокруг учителя пения. Все, как один, были вихрастые и белые-белые, не то от природы, не то выгоревшие на солнце. Ребята были все в холщевых рубахах поверх штанов, а девочки в светлых платьицах. Да такие они все были настоящие, свои, что Сергею до боли в сердце тоже захотелось спеть с ними.

– Боже мой! – воскликнул учитель, – Сергей Александрович, вы чего это, братец, в окно-то? Вон, дверь есть!

Ребята сбились и засмеялись. Есенин тоже усмехнулся:

– Так ведь от моего дома ваше окно ближе, чем дверь!

Учитель тоже улыбнулся и развел руками. Сергей всегда умел менять настроение людей. Достаточно было просто взглянуть на этого светлого парня, и на душе становилось как-то теплее.

Нынешний учитель в свое время с Сереей пацанами в таких же рубахах на вырост тоже шлодничали почем зря, и они были рады видеть друг друга.

– А я-то думал, что ты уже позабыл, где дверь находится. Ну так заходи, коль пришёл, – сказал учитель.

– Ну, Мишка, играй.

– А что играть то?

– А что-нибудь наше, рязанское! – улыбаясь во всю ширь, сказал Есенин.

– Хм. Тогда эту. И-и-и...

Мишка, а теперь Михаил Палыч, стал наигрывать на рояле знакомые мотивы, а Сергей Александрович тихо подпевал, как бы для себя, но с душой. Дети, замерев, во все глаза смотрели на знаменитого поэта из Ленинграда, который, как говорили родители, был родом из их села. Многие знали о нем и хотели на него походить – кто-то внешне, а кто-то и талантом. Но никак не получалось, как они ни старались, мешали то уроки, то домашние дела.

Дети знали, что Есенин писал стихи еще в школе, и как же он только успевал всё это: и писать, и читать, и думать, удивлялись они. Ведь все, так или иначе, жили почти одинаково. У всех была учёба, хозяйство, да и детством нужно было успевать наслаждаться. Всё же талант, есть талант! Так же думал и Михаил, ставший местным учителем. Он был дружен с Сергеем с ранних годков, отчего частенько виделся с ним, когда поэт приезжал домой.

– А помнишь ту рыбалку? Ну тогда, ночью? – спросил Мишка.

А тогда они еле нашли один подпуск, и вытащили стерлядку и здорового леща. Пока они возились со стерлядью, лещ оторвал губу и уплыл. Сергей был огорчен до слез. Успокоился он только, когда на второй подпуск поймали увесистого сома, которому Есенин стал крутить ус.

– Ну, вы занимайтесь ухой, а я пойду, поброжу, – сказал Сергей Александрович и скрылся в темноте.

Рыбаком он был отменным, больше того, был он удивительно везучим. Ни у кого не клюёт, а у Серёжи полное ведро. Все карасей, дай Бог, с ладонь вынимают, а он с локоть тащит. Завистно было рыбакам-то. Но Серёжка никогда этим не кичился, а наоборот, помогал всем подряд. То снасти поможет разложить, то ловушку поставить, то сам нырнёт в воду и попытается рыбёху за губу поймать, чтоб не сорвалась.

После того, как Сергей той ночью оставил товарищей, парни разделали рыбу, закидали всё для ухи в котелок и стали его ждать. Бродил он долго. Рыбаки уж заволновались, когда он неожиданно вынырнул к огню из-за кустов. Расселись чин-чином у костра, разлили уху, а Есенин вдруг предложил:

– Давайте выпьем за Оку. Она настоящий товарищ – поит и кормит.

И достает большую бутылку с водкой.

Все удивились. Где он раздобыл ее, на ночь глядя? Говорит, у деда по соседству взял в долг, а пожилых соседей в округе и не было. На что Сергей ответил:

– Ну что ты пристал, нет и нет. Лучше пей и закусывай. Водка сама себя не выпьет.

В село возвращались ранним утром. Ока в предутренней дремоте, казалось, была неподвижна. Воздух над рекой и лугами прозрачен и свеж. Мишка посмотрел на Есенина. Лицо Сергея светилось радостью. Чувствовалось, что в этих родных «рязанских раздольях» он отдыхает душой от житейских бурь и потрясений, которых так много выпало на его долю.

А после того, как они вместе с хором заливисто попели любимые песни, Миша пригласил друга к себе в дом. Сергей охотно согласился. В тот вечер он долго пробыл в гостях у приятеля. Настроение у него было хорошее. Играл с сыном Михаила Сашей, взял его на руки и долго тискал. В шутку сказал ему: «Вот подрастешь к будущему году, я приеду, и мы с тобой около берез побегаем». А сынуле-то Мишкиному полгода лишь стукнуло, вот смеху-то.

Когда Есенин приезжал в родное село, они с Мишкой часто засиживались допоздна. Поэт расспрашивал о жизни односельчан, о школе, вспоминали былое. Сергей читал свои стихи, пели песни, да и товарищей своих не забывали, где там они сейчас.

Такой он был!

Сцена седьмая

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.